

УДК 903.2

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2026.4.118.126>

БАРСОВСКИЙ VII МОГИЛЬНИК КУЛАЙСКОЙ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОЙ ОБЩНОСТИ: РЕЗУЛЬТАТЫ МУЛЬТИДИСЦИПЛИНАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ¹

©2026 г. Ю.П. Чемякин, Д.В. Селин, М.С. Кишкурно

В статье представлены результаты мультидисциплинарных исследований материалов из погребений Барсовского VII могильника. Анализ сохранившегося антропологического материала показал, что в погр. 3 был захоронен взрослый человек. В погр. 5 также зафиксированы остатки одного взрослого индивида. Было выполнено радиоуглеродное датирование, а также изотопный анализ зуба человека и бересты из погр. 3, меха животного из погр. 4 и фрагмента черепа человека из погр. 5. По особенностям погребальной практики и сопроводительного инвентаря предполагаемый возраст погребений может составлять III–I вв. до н.э., что хорошо согласуется с датировками, полученными по бересту и меху. Их пересекающийся временной интервал составил сер. II – сер. I вв. до н.э. Две даты, полученные по антропологическому материалу, уходят в VIII–IV вв. до н.э., т.е. они являются более древними, чем предполагаемый возраст погребений, и не соотносятся с датами, полученными по бересте из погребения 3 и по меху из погребения 4. По всей видимости, подобный «древний» радиоуглеродный возраст антропологического материала является следствием имевшегося пресноводного резервуарного эффекта, величина которого может составлять до 334 лет.

Ключевые слова: археология, Барсова Гора, кулайская культурно-историческая общность, могильник, антропологический анализ, радиоуглеродное датирование, изотопный анализ

BARSOVO VII BURIAL GROUND OF THE KULAY CULTURAL AND HISTORICAL COMMUNITY: RESULTS OF MULTIDISCIPLINARY STUDY²

Yu.P. Chemyakin, D.V. Selin, M.S. Kishkurno

This paper deals with the results of a multidisciplinary study of materials from the Barsovo VII burial ground. Analysis of the anthropological material showed that an adult human was buried in burial 3. The remains of one adult individual were also identified in burial 5. Radiocarbon dating and isotope analysis were carried out on a human tooth and birch bark from burial 3, animal fur from burial 4 and a fragment of a human skull from burial 5. Based on the features of burial practices and accompaniments, the estimated age of the burials may be between the 3rd and 1st centuries BC, which agrees well with the dates obtained from birch bark and fur. Their overlapping time interval was the mid-2nd – mid-1st centuries BC. The two dates obtained from the anthropological material go back to the 8th–4th centuries BC, i.e., they are older than the estimated age of the burials and do not correlate to the date obtained from the birch bark from burial 3 and the fur from burial 4. Apparently, such an “old” radiocarbon age of the anthropological material is a consequence of the existing freshwater reservoir effect, the magnitude of which can be up to 334 years.

Keywords: archaeology, Barsova Gora, Kulay cultural and historical community, burial ground, anthropological analysis, radiocarbon dating, isotopic analysis

Введение

Еще сравнительно недавно кулайские могильники не были известны. Первым могильником, отождествленным с этой культурой, был Каменный мыс в Новосибирской области, исследованный Т.Н. Троицкой в

¹ Радиоуглеродное датирование и анализ изотопов выполнены в рамках проекта РНФ № 24-28-00650 «Стратиграфия, хронология и изотопные исследования памятников эпохи бронзы – раннего железного века Сургутского Приобья» (руководитель – Ю.П. Чемякин).

² Radiocarbon dating and isotope analysis were carried out as a part of the Russian Science Foundation project No. 24-28-00650 “Stratigraphy, chronology and isotope studies of Bronze Age – Early Iron Age sites in the Surgut Ob region” (headed by Yu.P. Chemyakin).

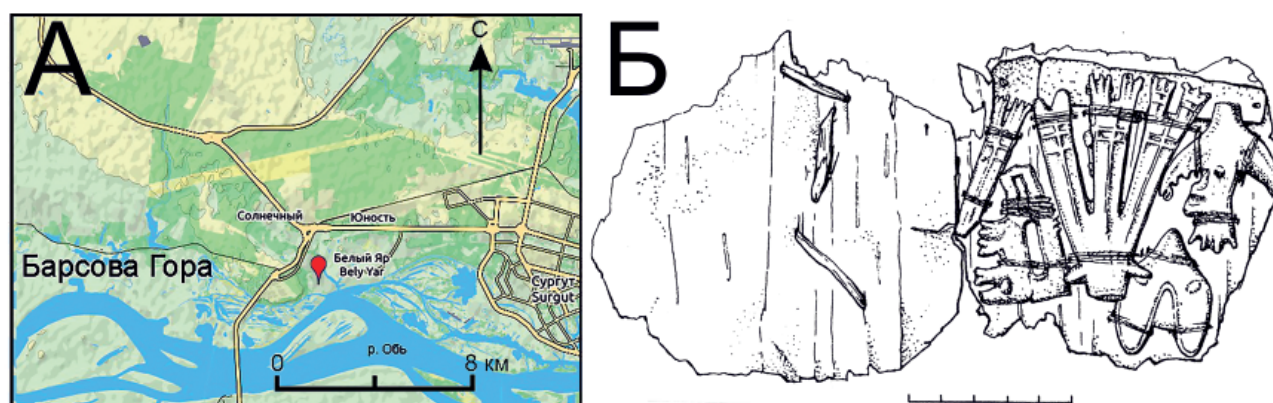

Рис. 1. А – месторасположение Барсовского VII могильника на карте-схеме;
Б – берестяная коробочка и ее содержимое из погребения 3 (полевой зарисовке Г.А. Степановой).

Fig. 1. А – location of the Barsovo VII burial ground on the sketch-map;

Б – birch bark box and its content from burial 3 (based on a field sketch by G.A. Stepanova).

1969–1974 гг. (Троицкая, 1979). Его антропологическая коллекция до сих пор является самой крупной. Сегодня на всей территории существования кулайской культурно-исторической общности открыто около 10 кулайских могильников и столько же одиночных могил и захоронений на культовых местах (святилищах). Однако антропологический материал в них очень бедный, т.к. в процессе археологизации костный материал практически не сохраняется. Поэтому каждые новые находки представляют значительный интерес.

В 1991 г. Г.А. Степановой при раскопках селища Барсова гора I/21 в одноименном урочище недалеко от г. Сургута (правый берег р. Оби, рис. 1А) был открыт Барсовский VII могильник, отнесенный к кулайской культуре (Чемякин, Степанова, 1994). Ею были исследованы 6 погребений. На самом селище были раскопаны жилища белоярской и кулайской же археологических культур эпохи раннего железа. Часть погребений была сделана во внешних ямах кулайского жилища, то есть была позже его. В 1992 и 1996 гг. исследование могильника продолжил Ю.П. Чемякин (Чемякин, Шатунов, 1997), выявивший еще три погребения.

Особый интерес представляют захоронения 3 и 5. В них сохранились образцы антропологии, что позволяет провести антропологический анализ этих материалов и выполнить радиоуглеродное датирование. Одна УМС-дата была получена по меху из погребения 4. Для определения абсолютного возраста образцов пробоподготовка была проведена в лаборатории изотопных исследо-

ваний с использованием оборудования ЦКП «Геохронология кайнозоя» ИАЭТ СО РАН (г. Новосибирск). Радиоуглеродное датирование реализовано в ЦКП «Ускорительная масс-спектрометрия НГУ – ННЦ», графитизация коллагена – на AGE-3 (Ionplus, Швейцария), УМС-анализ – на MICADAS-28 (Ionplus, Швейцария).

Описание погребений

Погребение 3 находилось во внешней яме кулайского жилища и впервые четко зафиксировалось в 45–50 см от поверхности (–150–155 см от условного 0). Могильная яма была ориентирована по линии СВ–ЮЗ и имела вытянутую подтреугольную форму с тупым северо-восточным и приостренным юго-западным концами (рис. 2А). Размер ее 1,64 × 0,45 м. Дно в профиле уплощенное, с закругленными краями, пониженное в северо-восточной части (рис. 2Б). Основное заполнение – серо-желтая супесь с вкраплениями угля и мощной прослойкой темно-серой супеси с включениями углей, тлена и органики на дне. Глубина ямы 45–50 см от погребенной поверхности (–173 см). Остатки скелета человека очень плохой сохранности обнаружены на гл. –166–167 см. Сохранились только фрагменты челюсти и небольшой осколок кости ноги (3). Судя по остаткам костей, погребенный был уложен в деревянную колоду (лодку?), обугленные остатки которой (1) дошли до нас в виде широких (до 5 см) углистых полос, фиксируемых по краям ямы. Положение сохранившихся костей (обломки челюсти почти по центру ямы со смещением к ее северо-восточному концу; фрагмент кости ноги – в юго-западной части

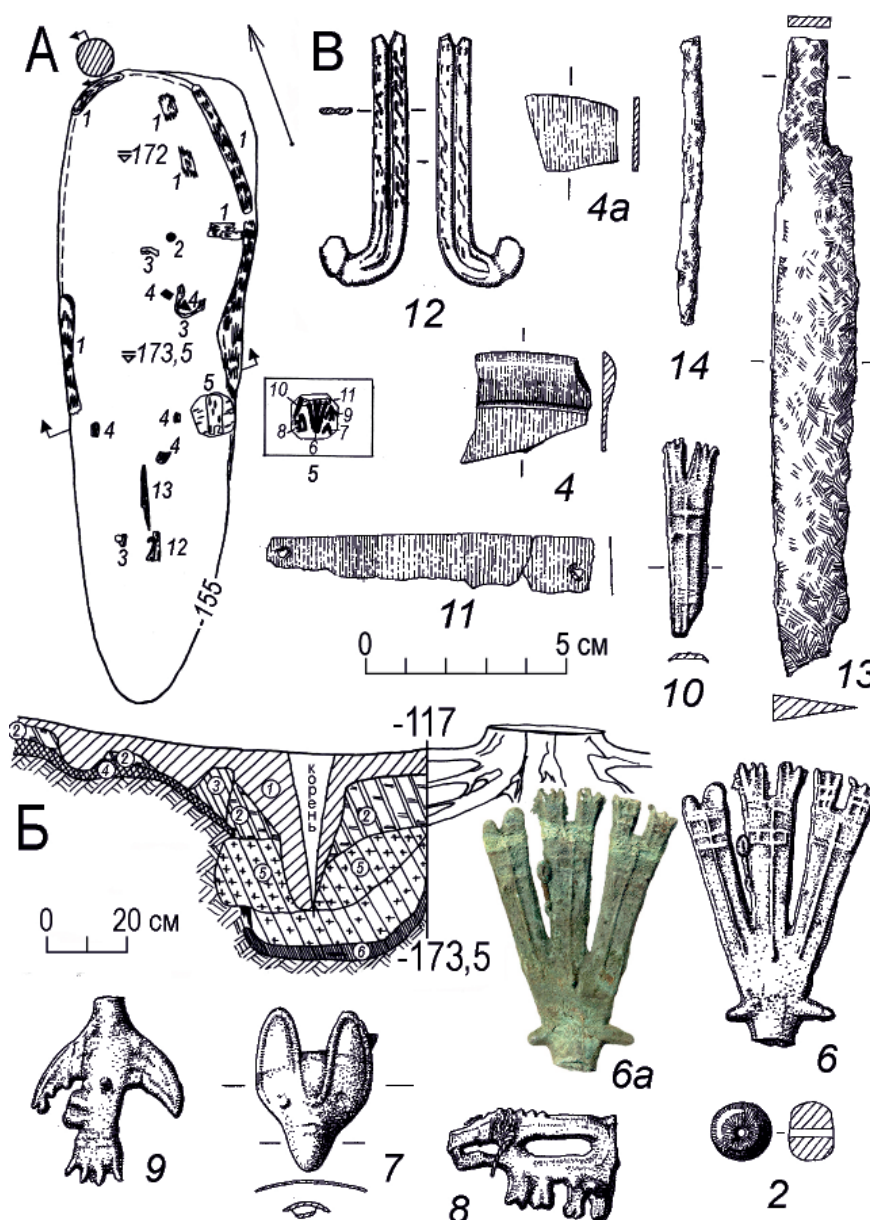

Рис. 2. Погребение 3 Барсовского VII могильника: А – план погребения: 1 – обугленное дерево; 2 – бусина; 3 – челюсть и фрагменты костей человека; 4 – фрагменты зеркал; 5 – «коробочка»; 6–10 – культовое литье; 11 – пластинка; 12 – крючок; 13 – нож; 14 – стержень; Б – профиль погребения: 1 – лесная подстилка и подзол; 2 – серо-желтая супесь с вкраплениями подзола; 3 – желтый песок; 4 – погребенный подзол; 5 – серо-желтая супесь с включениями угля; 6 – темно-серая супесь с углем; В – погребальный инвентарь (номера на рисунке соответствуют номерам в погребении) (2 – гагат; 5 – береста; 13, 14 – железо; остальное – медь, бронза).

Fig. 2. Burial 3 of the Barsovo VII burial ground: А – burial plan: 1 – carbonized tree; 2 – bead; 3 – human jaw and bone fragments; 4 – mirror fragments; 5 – “box”; 6–10 – cultic cast item; 11 – blade; 12 – hook; 13 – knife; 14 – rod; Б – stratigraphy: 1 – forest floor and podzolic soil; 2 – gray-yellow sandy loam with podzol inclusions; 3 – yellow sand; 4 – buried podzols; 5 – gray-yellow sandy loam with charcoal inclusions; 6 – dark gray sandy loam with coal; В – burial set (numbers in the figure correspond to numbers in the burial) (2 – jet; 5 – birch bark; 13, 14 – iron; the rest – copper, bronze).

ямы) предполагает захоронение умершего на спине головой на СВ. Почти посередине северо-восточной половины ямы, чуть выше головы обнаружена гагатова бусина (2). Рядом с нижней челюстью на ур. –169 см лежали два

фрагмента бронзового зеркала (4). Такие же обломки найдены на гл. –166–167 см в юго-западной части ямы. Здесь же, у восточной стенки погребения, на ур. –169–170 см найдена берестяная «сумочка» восьмиугольной

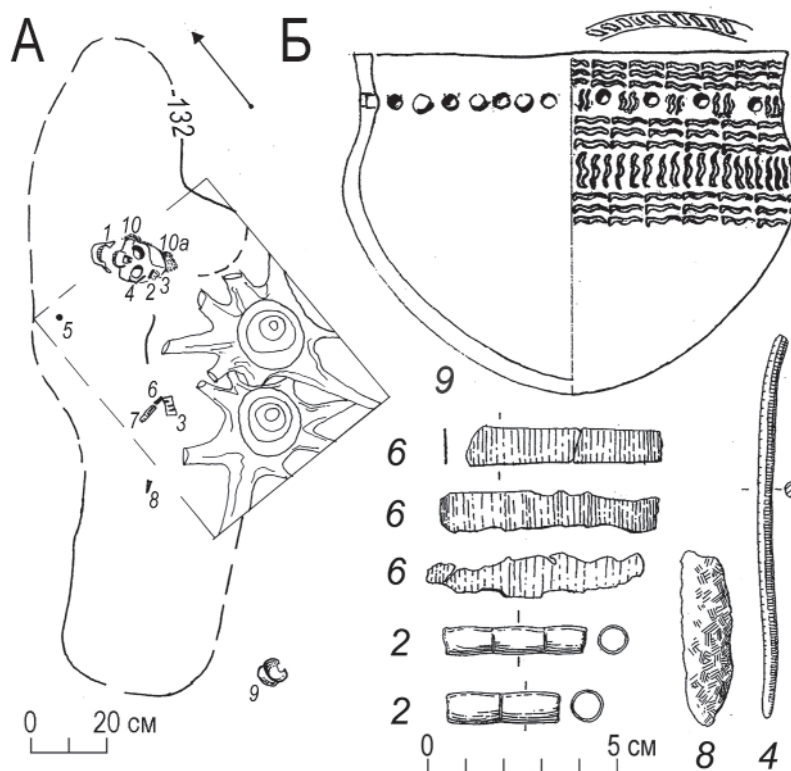

Рис. 3. Погребение 5 Барсовского VII могильника: А – план погребения: 1 – череп; 2 – пронизки; 3 – береста; 4 – стержень; 5 – бусина (стекло); 6 – пластинки; 7 – кости; 8 – нож; 9 – сосуд; 10 – охра; Б – погребальный инвентарь (номера на рисунке соответствуют номерам в погребении) (2, 6 – медь, бронза; 4 – серебро; 8 – железо; 9 – глина).

Fig. 3. Burial 5 of Barsovo VII burial ground: А – burial plan: 1 – skull; 2 – beads with holes; 3 – birch bark; 4 – rod; 5 – bead (glass); 6 – blades; 7 – bones; 8 – knife; 9 – vessel; 10 – ochre; Б – burial set (numbers in the figure correspond to numbers in the burial) (2, 6 – copper, bronze; 4 – silver; 8 – iron; 9 – clay).

формы (5) с бронзовой культовой пластикой, прикрепленной к ней крученой нитью (рис. 1Б). Среди них орнито- и зооморфы (8, 9), два антропоморфа (или древовидных фигурки – 6, 10), головка медведя или лисы (? – 7). Под ними лежала тонкая бронзовая пластинка (11). При выемке коробочка рассыпалась. В юго-западной части ямы, по центру, на гл. –169–170 см острием на СВ лежал железный нож (13), рядом – бронзовый плоский крючок с орнаментом в виде рядов «уточек» (12). В погребении найден также тонкий железный стержень (14).

Погребение 4 – подчетыреугольная с закругленными углами яма, ориентированная по линии СЗ–ЮВ, размером 0,92 × 0,36 м, зафиксирована в придонной части, на гл. –122 см от условного 0. Она была заполнена серым песком с включениями угля и подзола, окантована по периметру темно-серой прослойкой с углистыми и редкими охристыми вкраплениями. Уплотненное дно ямы чуть понижа-

лось к юго-востоку, достигая гл. –129,5 см. Остатков костяка не обнаружено. В северо-западной части и центре погребения на гл. –125–129 см располагалась берестяная подчетыреугольная «сумка», украшенная плетением (?) и стеклянными с внутренней позолотой бусинами. Размер ее сохранившейся части составил 43 × 13 см. Внутри вдоль «сумки» находились фрагменты медной пластины с остатками меха, а ниже ее – клочок меха с медной (?) пластинкой, украшенной процарапанными зигзагами. У северо-западного угла ямы, к юго-западу от берестяной «сумки», на гл. –123–129 см находился маленький глиняный сосуд на поддоне, орнаментированный штампами в виде «уточек».

Погребение 5 оказалось почти полностью разрушенным корневой системой крупных деревьев (рис. 3А). Вещевой материал и остатки костей были смещены со своих изначальных местоположений. Уровень их залегания колебался в пределах –123–166

см. Примерный размер ямы $1,7 \times 0,4-0,45$ м. Череп (1) обнаружен на гл. –149–163 см в ее северо-восточной части и развернут поперек продольной оси погребения. На нем и вокруг сохранились небольшие пятна охры (10). В области левой височной части черепа обнаружена бронзовая полая височная пронизка (2) с остатками бересты (3). Рядом в вертикальном положении находился серебряный прутик (4). Верхний его конец фиксировался на ур. –164 см. В центре ямы на гл. –144 см найдена голубая прозрачная бусина (5 – рассыпалась при выемке). Здесь же на разных уровнях обнаружены фрагменты костей ног (7) и бронзовая пластина с остатками бересты (3, 6). К юго-западу от этих находок, на гл. –123 см, лежал обломок железного ножа (8). За пределами примерных очертаний ямы, в 15 см от юго-юго-западного угла, обнаружен глиняный сосуд (10), очевидно, смещенный с первоначального местоположения корнями деревьев. В 1992 г. удалось несколько расчистить корни дерева. При этом были найдены фрагмент челюсти человека и два обломка медной или бронзовой пластины (6).

Результаты и обсуждение

Антропологический материал очень плохой сохранности принадлежит двум индивидам. Возраст определялся по степени изношенности зубов (Scott, 1979). Одонтоскопическое обследование проводилось по стандартной одонтологической программе с учетом маркера архаики (Зубов, 2006; Зубова, 2013).

Погребение 3. Пол определить не удалось, возраст – Adultus. Представлено отдельными изолированными зубами (нижний левый первый моляр и нижний правый первый премоляр) с сильно поврежденной посмертно эмалью. Отмечена стертость коронки моляра невысокой степени (балл 3). В патологическом аспекте на премоляре зафиксирован кариес на окклюзивной поверхности, а на моляре отмечено наличие зубного камня.

Представленный нижний левый первый моляр характеризуется наличием пяти бугорков и Y-узором коронки. Отмечена ямка протостилида. Моляр двухкорневой. Архаичные фены не зарегистрированы.

Погребение 5. Пол определить не удалось, возраст – Adultus. Представлено сильно фрагментированными костями черепа очень плохой сохранности. Идентифицированы фрагменты затылочной кости, правой височной с ушным

отверстием и скуловым отростком, теменных костей с сильным разрушением наружного слоя компакты и внутреннего диплоэ, а также фрагменты нижней челюсти и зубы.

Сохранились верхний правый второй моляр и нижние латеральные резцы, клыки, премоляры и моляры с правой стороны челюсти и один нижний левый первый моляр. Все зубы имеют посмертные повреждения, прижизненные сколы отмечены только на нижнем правом первом премоляре. Стертость коронок зубов умеренная (баллы 2–5). Зафиксированные патологические изменения зубочелюстной системы выражены наличием заболеваний пародонта слабой степени развития нижнечелюстных резцов, клыков, вторых и третьих моляров, а также зубного камня.

Верхнечелюстной второй моляр характеризуется сильно редуцированным гипоконусом (балл 3+), нередуцированным метаконусом и отсутствием бугорка Карабелли; имеет три корня. На нижнечелюстных клыках отмечена слабо выраженная лопатообразность (балл 1). Нижний первый моляр имеет шесть бугорков и Y-узор коронки; второй моляр – четыре бугорка и X-узор. Все нижнечелюстные моляры двухкорневые. Из числа архаичных признаков зафиксированы только наличие дополнительных дистального и мезиального гребней на нижнем правом первом премоляре.

Плохая сохранность, неполная комплектность зубов и сильные посмертные повреждения эмали затрудняют таксономическую идентификацию индивидов.

По зубу человека из погр. 3 получена радиоуглеродная дата 2387 ± 34 л.н., перевод в календарный возраст продемонстрировал диапазон 732–392 гг. до н.э. (95,4%). Вторая дата из этого погребения, полученная по бересте, показывает иной диапазон – 2053 ± 29 л.н., калиброванные значения составили 158 гг. до н.э. – 23 гг. н.э. Первая дата попадает в зону т.н. «гальштатского плато», когда на калибровочной кривой имеется горизонтальная зона, дающая широкий хронологический диапазон, что не позволяет получить более узкую хронологию. Однако вторая дата моложе первой на 334 года и при калибровке укладывается в период вт. пол. II в. до н.э. – перв. четв. I в. н.э. Выявленная разница в возрасте между зубом человека и берестой может являться следствием пресноводного резервуарного эффекта. Для индивида из погр. 3 были получены данные по

Таблица 1. Радиоуглеродный и календарный возраст образцов из погребений Барсовского VII могильника и результаты анализа стабильных изотопов.

Table 1. Radiocarbon and calibrated ages of samples from the burials at the Barsovo VII burial ground and the results of stable isotope analysis.

Объект	Лабораторный шифр образца	Материал для датирования	Радиоуглеродный возраст, л.н.	Калиброванная дата, гг. до н.э.		$\delta^{13}\text{C}$ (‰ VPDB)	$\delta^{15}\text{N}$ (‰ AIR)	C:N	C %/N %
				1 σ	2 σ				
р. II, погр. 3, уч. X/107	GV-5886	Зуб человека	2387 ± 34	514-500 (7,3%) 486-400 (60,9%)	732-698 (5,1%) 664-650 (2,5%) 546-392 (87,8%)	-20,7	13,5	3,2	43,8/16,2
р. II, погр. 5, уч. X/106	GV-5887	Кость человека	2492 ± 36	763-734 (11,7%) 696-664 (13,1%) 650-546 (43,6%)	778-476 (95,4%)	-	-	-	-
р. II, погр. 3, уч. II/107	GV-6230	Береста	2053 ± 29	101-67 (23,1%) 60 гг. до н.э. – 8 гг. н.э. (39,8%)	158 гг. до н.э. – 23 гг. н.э. (95,4%)	-27,4	2,4	-	-
р. II, погр. 4, уч. II/105	GV-6231	Мех	2145 ± 30	343-320 (15,1%) 202-148 (39,8%) 137-111 (13,3%)	351-289 (23,3%) 227-220 (0,8%) 210-89 (65%) 80-53 (6,4%)	-23,5	10,1	-	-

Калибровка радиоуглеродного возраста в календарный проведена на основе калибровочной кривой Intcal20 в программе OxCal v4.4.4

легким стабильным изотопами. Значение $\delta^{13}\text{C}$ составило $-20,7\text{‰}$, $\delta^{15}\text{N}$ – $13,5\text{‰}$. Такие значения могут свидетельствовать о значительном потреблении рыбы, по всей видимости, в пищевой рацион этого индивида на регулярной основе входила речная и/или озерная рыба, что и обусловило появление пресноводного резервуарного эффекта.

Датирование меха животного из погр. 4 показало дату в 2145 ± 30 л.н. Она является хронологически более близкой дате, полученной по бересте из погр. 3. Так как при переводе в календарный возраст указанная дата попадает на два участка калибровочной кривой, выявлено два хронологических промежутка. Первый укладывается в период 351-289 гг. до н.э. (23,3%), второй – 227-53 гг. до н.э. (72,2%). Второй промежуток хорошо соотносится с датой, полученной по бересте, их общий временной интервал составляет интервал в 158–53 гг. до н.э., т.е. сер. II – сер. I вв. до н.э. Изотопный анализ меха животного показал значение $\delta^{13}\text{C}$ в $-23,5\text{‰}$, $\delta^{15}\text{N}$ – $10,1\text{‰}$. Содержание $\delta^{13}\text{C}$ согласуется с результатами, полученными по зубам двух лошадей с Барсового городка III/7 и кости медведя (Косинцев, Чемякин, в печати). При этом, по сравнению с лошадьми, значения $\delta^{15}\text{N}$ оказались выше на 2,9–3,3 ‰, а с медведем – на 5 ‰, что может косвенно свидетельствовать об употреблении этим животным рыбы.

Для погр. 5 по черепу человека получена радиоуглеродная дата 2492 ± 36 л.н. При переводе в календарный возраст эта датировка попадает в «гальштатское плато» и показывает диапазон 778–476 гг. до н.э. (95,4%). Возможное удревнение этой даты также может быть связано с резервуарным эффектом.

Заключение

Таким образом, установлено, что в погр. 3 был захоронен взрослый человек. В погр. 5 также зафиксированы остатки одного взрослого индивида. Исследованные погребения укладываются в погребальную традицию кулайского населения Сургутского Приобья, где к настоящему моменту исследо-

ваны Барсовский III могильник, погребение на городище Барсов городок I/20, некрополи Сырой Аган 13 и 16 (Борзунов, Зыков, 2003; Шорин, 2006; Баранов, 2008 и др.). Для них характерно помещение тел умерших по обряду ингумации в подпрямоугольные погребальные камеры небольшой глубины, на дне которых могли фиксироваться остатки деревянных конструкций или лодок. Сопроводительный инвентарь включал различные бронзовые изделия, культовое литье, украшения, керамические сосуды, бусы.

Анализ кулайских могильников Среднего Приобья и погребального инвентаря показывает, что для кулайского общества было характерно выраженное социальное расслоение. Выделяются обилием сопровождающих вещей погребения вождей (богатырей), часто представляющие одиночные могилы – Агрнъеган 1 (Перевалова, Карачаров, 2006, с. 62–71), Нивагальское 34 (Карачаров, 2011, 2017), разграбленное погребение в бассейне р. Тромъеган (Бауло 2022, с. 216), погребение на городище Согом 64 и другие. Богатое погребение мальчика лет шести из Барсовского III могильника допускает вывод о наследственности власти (Борзунов, Зыков, 2003). Наличие прикладов, культового литья, захоронения в лодках на Барсовском VII могильнике свидетельствуют об особом статусе служителей культа. Одиночные погребения Барсовского III могильника и на городище Барсов городок I/20, содержавшие культовое литье, подтверждают этот тезис.

С другой стороны, в самом крупном в Сургутском Приобье кулайском могильнике Сырой Аган 16 из 20 погребений в восьми оказались обломки железных изделий (в трех – ножей). Из этих восьми в четырех были фрагменты серебряных изделий, а в трех еще и стеклянные бусины с внутренней позолотой. Ни культового литья, ни престижных (статусных) бронзовых вещей не найдено. Видимо, это был могильник рядовых членов общины с разным имущественным и, возможно, социальным положением.

Имеющиеся данные по возрастным определениям останков на могильнике Сырой Аган 16 демонстрируют, что в погребальных камерах на этом могильнике, как и на Барсовском VII, захоранивались взрослые инди-

виды (Баранов, 2008, с. 236). Однако подобная картина может быть следствием того, что детские кости не сохранялись в почве в процессе археологизации. Кроме того, в одной камере был похоронен один индивид. Однако, на могильнике Каменный Мыс, расположенном в Новосибирском Приобье, в погребениях могли помещать двух или трех умерших (Троицкая, 1979).

По особенностям погребальной практики и сопроводительного инвентаря предполагаемый возраст погребений может составлять III–I вв. до н.э., что хорошо согласуется с датировками, полученными по бересте и меху. Их пересекающийся временной интервал составил сер. II – сер. I вв. до н.э. Две даты, полученные по антропологическому материалу, уходят в VIII–IV вв. до н.э., т.е. они являются более древними, чем предполагаемый возраст погребений, и не соотносятся с датами, полученными по бересте из погребения 3 и по меху из погребения 4. Однако они хорошо коррелируют с датой по костяку с Усть-Полуя – 794–540 до н.э. (Ua52103), где разница между датами по костям и по углю объясняется пресноводным резервуарным эффектом (Лозей, Флемминг и др., 2017). По всей видимости, подобный «древний» радиоуглеродный возраст антропологического материала в Барсовском VII могильнике также является следствием имевшегося пресноводного резервуарного эффекта, учитывая, что оба этих памятника находятся в непосредственной близости от р. Обь. Предположительную величину пресноводного резервуарного эффекта для территории Барсовой Горы показывают результаты датирования погребения 3. Разница в радиоуглеродном возрасте между зубом человека и берестой из этой могилы составила 334 года.

Продолжение комплексных мультидисциплинарных исследований антропологических материалов, полученных в ходе раскопок на территории Сургутского Приобья, позволит по-новому взглянуть на особенности погребальной практики в эпоху раннего железного века. Актуальной остается задача определения величины пресноводного резервуарного эффекта, которая позволит скорректировать уже полученные радиоуглеродные датировки.

ЛИТЕРАТУРА

Баранов М.Ю. Могильник кулайской культуры Сырой Аган 13 в Сургутском Приобье // Барсова Гора: древности таежного Приобья / Отв. ред. А.Я. Труфанов. Екатеринбург; Сургут: Уральское кн. изд-во, 2008. С. 219–238.

Бауло А.В. «Изваяя от меди...»: Каталог сибирских древностей, отлитых из бронзы. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2022. 231 с.

Борзунов В.А., Зыков А.П. Барсовский III могильник – новый кулайский памятник в Сургутском Приобье // Образы и сакральное пространство древних эпох / Ред. Н.М. Чаиркина. Екатеринбург: Аква-Пресс, 2003. С. 103–112.

Зубов А.А. Методическое пособие по антропологическому анализу одонтологических материалов. М: Этно-онлайн, 2006. 72 с.

Зубова А.В. Предварительные результаты изучения архаичной составляющей одонтологических комплексов населения Евразии эпохи неолита // Вестник антропологии. 2013. № 4. С. 107–127.

Карачаров К.Г. Комплекс предметов раннего железного века, найденный у городища Нивагальское 20 на р. Агане // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Вып. 9 / Отв. ред. Я.А. Яковлев. Томск; Ханты-Мансийск: Том. ун-т, 2011. С. 82–110.

Карачаров К.Г. Погребение 1 могильника кулайской культуры Нивагальское 34 // Археология и история Северо-Западной Сибири / Материалы и исследования по истории Северо-Западной Сибири / Отв. ред. А.Я. Труфанов. Нефтеюганск; Екатеринбург: Уральский рабочий, 2017. С. 88–102.

Косинцев П.А., Чемякин Ю.П. Лошадь у населения Приобья в раннем железном веке: результаты радиоуглеродного датирования и изотопных анализов // Вестник НГУ (в печати).

Лозей Р.Дж., Флеминг Л.Ш., Номоконова Т.Ю., Гусев А.В. Абсолютные датировки. Питание людей и пресноводный резервуарный эффект // Усть-Полуй: материалы и исследования. Т. 1 / Археология Арктики. Вып. 4 / Науч. ред. О.Н. Корочкова. Екатеринбург: Деловая пресса, 2017. С. 65–80.

Перевалова Е.В., Карачаров К.Г. Река Аган и ее обитатели. Екатеринбург; Нижневартовск: УрО РАН; Студия "ГРАФО", 2006. 352 с.

Троицкая Т.Н. Кулайская культура в Новосибирском Приобье. Новосибирск: Наука, 1979. 152 с.

Чемякин Ю.П., Степанова Г.А. Новый стратифицированный памятник раннего железного века на Барсовой горе // Сургут. Сибирь. Россия. Междунар. науч.-практ. конф., посв. 400-летию г. Сургута: тез. докл. (22–25 марта 1994) / Отв. Ред. И.Л. Манькова. Екатеринбург: Уральский государственный университет, 1994. С. 215–219.

Чемякин Ю.П., Шатунов Н.В. Охранные раскопки кулайского могильника на Барсовой горе // 275 лет сибирской археологии / Ред. Н.И. Дроздов и др. Красноярск: КГПУ, 1997. С. 35–36.

Шорин А.Ф. Могильник кулайской культуры Сырой Аган 16 в Сургутском Приобье // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Вып. 3 / Отв. ред. Я.А. Яковлев. Томск; Ханты-Мансийск: Томский ун-т, 2006. С. 156–164.

Scott E.C. Dental wear scoring technique // American Journal of Physical Anthropology. 1979. Vol. 51. No. 2. p. 214–217.

Информация об авторах:

Чемякин Юрий Петрович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Уральский федеральный университет (г. Екатеринбург, Россия); yury-che@yandex.ru

Селин Дмитрий Вадимович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела археологии палеометалла, Институт археологии и этнографии СО РАН (г. Новосибирск, Россия); selin@epage.ru (Корреспондирующий автор)

Кишкурно Мария Святославовна, кандидат исторических наук, научный сотрудник, Институт археологии и этнографии СО РАН (г. Новосибирск, Россия); kishkurno_maria@mail.ru

REFERENCES

Baranov, M. Yu. 2008. In Trufanov, A. Ya. (ed.). *Barsova gora: drevnosti taezhnogo Priob'ia (Barsova Gora: Antiquities of the Taiga Ob Region)*. Ekaterinburg–Surgut: “Ural'skoe izdatel'stvo” Publ., 219–238 (in Russian).

Baulo, A. V. 2022. «Izvyayn ot medi...»: Katalog sibirskikh drevnostei, otlitykh iz bronzy ("Sculpted from copper...": Catalogue of Siberian antiquities cast in bronze). Novosibirsk: Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Institute for Archaeology and Ethnography (in Russian).

Borzunov, V. A., Zykov, A. P. 2003. In Chairkina, N. M. (ed.). *Obrazy i sakralnoe prostranstvo drevnikh epokh* (Images and sacred space of ancient eras). Yekaterinburg: "Akva-Press" Publ., 103–112 (in Russian).

Zubov, A. A. 2006. *Metodicheskoe posobie po antropologicheskomu analizu odontologicheskikh materialov* (Methodological Guide for Anthropological Analysis of Odontologic Materials). Moscow: "Etno-onlain" Publ. (in Russian).

Zubova, A. V. 2013. In *Vestnik antropologii* (Herald of Anthropology) (4), 107–127 (in Russian).

Karacharov K. G. 2011. In Yakovlev, A. Ya. (ed.). *Khanty-Mansiyskiy avtonomniy okrug v zerkale proshlogo* (Khanty-Mansi Autonomous Area in the Mirror of the Past) (9). Tomsk; Khanty-Mansiysk: Tomsk State University, 82–110 (in Russian).

Karacharov K. G. 2017. In Trufanov, A. Ya. (ed.). *Arkheologiya i istoriya Severo-Zapadnoi Sibiri* (Archaeology and history of the Northwestern Siberia). Series: Materialy i issledovaniia po istorii Severo-Zapadnoi Sibiri (Proceedings and research on history of the Northwestern Siberia). Nefteyugansk; Yekaterinburg: Uralskii rabochii Publ., 88–102 (in Russian).

Kosintsev, P. A., Chemyakin Yu. P. In press. In *Vestnik Novosibirskogo Gosudarstvennogo universiteta. Istoriia, filologiya* (Bulletin of the Novosibirsk State University: History, Philology) (in Russian).

Lozei, R. Dzh., Fleming, L. Sh., Nomokonova, T. Yu., Gusev, A. V. 2017. In Korochkova, O. N. (ed.). *Ust'-Poluy: materialy i issledovaniya. T. 1. (Ust'-Polui: materials and research. Vol. 1) Arkheologiya Arktiki* (Arctic Archaeology) 4. Ekaterinburg: "Delovaya pressa" Publ., 65–80 (in Russian).

Perevalova E. V., Karacharov K. G. 2006. *Reka Agan i ee obitateli* (The Agan River and its inhabitants). Yekaterinburg; Nizhnevartovsk: Ural Branch of the Russian Academy of Sciences; GRAFO Publ. (in Russian).

Troitskaya, T. N. 1979. *Kulayskaya kul'tura v Novosibirskom Priob'e* (Kulayka Culture in the Novosibirsk Ob Region). Novosibirsk: "Nauka" Publ. (in Russian).

Chemyakin Yu. P., Stepanova G. A. 1994. In Mankova, I. L. (ed.). *Surgut. Sibir'. Rossiya* (Surgut. Siberia. Russia). Yekaterinburg: Ural State University, 215–219 (in Russian).

Chemyakin, Yu. P., Shatunov, N. V. 1997. In Drozdova, N. I. et al. (eds.). *275 let sibirskoi arkheologii* (275 years of Siberian archaeology). Krasnoyarsk: Krasnoyarsk State Pedagogical University, 35–36 (in Russian).

Shorin, A. F. 2006. In Yakovlev, A. Ya. (ed.). *Khanty-Mansiyskiy avtonomniy okrug v zerkale proshlogo* (Khanty-Mansi Autonomous Area in the Mirror of the Past) (3). Tomsk; Khanty-Mansiysk: Tomsk State University, 156–164 (in Russian).

Scott, E. C. 1979. In *American Journal of Physical Anthropology*. Vol. 51. No. 2, 214–217.

About the Authors:

Chemyakin Yuri P. Candidate of Historical Sciences, Researcher, Ural Federal University. Mira str., 19, Yekaterinburg, 620062, Russian Federation;; yury-che@yandex.ru

Selin Dmitry V. Candidate of Historical Sciences, Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Acad. Lavrentyev Avenue, 17, Novosibirsk, 630090, Russian Federation; selin@epage.ru (Corresponding author)

Kishkurno Maria S. Candidate of Historical Sciences, Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Acad. Lavrentyev Avenue, 17, Novosibirsk, 630090, Russian Federation;; kishkurno_maria@mail.ru

Статья поступила в журнал 14.04.2026 г.
Статья принята к публикации 18.05.2026 г.
Авторы внесли равноценный вклад в работу